

чѣмъ безумно бѣгутъ люди, дрожа отъ одного предвкушения частицы этихъ благъ. Послѣ автора Экклезіаста, это второй примеръ въ литературѣ бездонности человѣческаго духа, не насыщаемаго ничѣмъ во внѣшнемъ мірѣ, поглощающаго всѣ блага безплодно, какъ бочка Данайды поглощаетъ выливаемую въ нее влагу.

Человѣка нельзя насытить внѣшнимъ, онъ будетъ смертельно тосковать и захочетъ умереть на самой вершинѣ благъ и даровъ. Какъ будто это внѣшнее удовлетвореніе разжигаетъ въ немъ съ неслыханной силой жажду иного, отъ мученій которой человѣкъ ищетъ спасенія въ смерти.

Объ этомъ, съ простотой и силой почти библейской, говорить Толстой: «Со мной сдѣлалось то, что я почувствовалъ, что я не могу больше жить».

Какъ-будто съ какой-то страшной высоты отчужденно посмотрѣлъ онъ на весь человѣческій муравейникъ и увидѣлъ все безцѣльнымъ, игрушечнымъ, обманннымъ, чѣмъ можно забавляться только въ самозабвеніи минутнаго желанія, временныхъ алканій, только въ краткую минуту опьяненія.

«Можно жить только покуда пьяна жизнью, а какъ пропрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это глупый обманъ».

Вѣроятно не безъ вліянія Шопенгауера,